

Итальянское Возрождение и русский религиозно-философский ренессанс: диалог сквозь века. Случай В. Забугина*

Ольга Кусенко

Историки, культурологи исследуют влияния итальянского ренессанса, гуманистической культуры на Московскую Русь (см.: Кудрявцев 2013; Siedina 2020). Русский философ Владимир Ильин в своем эссе о флорентийской культуре указывает на то, что «двор и роскошь Иоанна... сияли отраженным светом Флоренции», и что итальянский ренессанс «оплодотворил Московскую Русь и Петербургскую Россию» (Ильин 2024, 106). И образный, и спекулятивный строй ренессансной культуры понемногу проникали в русские земли, однако, это было именно «отраженное», а не полноценное общение. Настоящее собеседование русской культуры с итальянской культурой ренессансного периода было отсроченным. Началось оно примерно с середины XIX в., когда русские авторы, постепенно вобрав в себя сокровища западно-европейской цивилизации, почувствовав себя в античном, средневековом и ренессансном наследии как в родном доме, смогли затем создать собственный новый синтез, что особенно ярко проявилось в так называемом русском религиозно-философском ренессансе конца XIX–начала XX вв. и в целом в Серебряном веке русской культуры.

* Настоящая работа представляет собой дополненную и переработанную версию статьи, опубликованной в журнале *Вестник Тверского государственного университета. Серия "Философия"* в 2023 году (Кусенко 2023: 114-29).

Olga Kusenko, Russian Academy of Sciences, Russian Federation, isafi137@gmail.com, 0000-0003-2569-3037

Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)

FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Ольга Кусенко, *Итальянское Возрождение и русский религиозно-философский ренессанс: диалог сквозь века. Случай В. Забугина*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0893-2.04, in Marcello Garzaniti, Ovanes Akopyan, Iris Karafillidis, Francesca Romoli (edited by), *In dialogo con l'Occidente: Rinascimento e renovatio nella Russia del Cinquecento / В диалоге с Западом: возрождение и религиозное обновление в России XVI века*, pp. 33-46, 2025, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0893-2, DOI 10.36253/979-12-215-0893-2

1. Русско-итальянский мыслитель

Тема итальянского Ренессанса является одной из центральных для русской интеллектуальной культуры эпохи *fin de siècle*: не только русские ученые и философы, но и русские поэты, писатели, художники, архитекторы активно обращаются к феномену Возрождения (см.: Tonini 2012; Žukova 2019; Kusenko 2022). У русских авторов появляется имплицитная мечта вобрать в себя наследие античной культуры и понести его дальше, став полноправными преемниками как первого, так и второго Рима. Итальянский Ренессанс с его любовью к древности, к традиции, с его попыткой включить наследие классической культуры в ткань культуры христианской определенно был для представителей русской культуры Серебряного века, как и для всей европейской культуры, узловым историческим событием, образцом синтетической попытки единения эпох и культур.

Указанный период была и другая (отчасти связанная с первой) мечта – о воссоединении христианского мира. Крупнейший русский философ XIX в. Владимир Сергеевич Соловьев вдохновил поколение мыслителей русского религиозно-философского ренессанса на поиск реальных путей для осуществления подобного единства.¹ И снова итальянский гуманизм, от эпохи Данте до событий Ферраро-флорентийского Собора, предоставлял русским авторам необходимый материал для собственных спекуляций и конкретных проектов.

Одним из ярчайших примеров продуктивной рецепции гуманистической и ренессансной культуры является творчество русско-итальянского мыслителя, филолога, медиевиста Владимира Николаевича Забугина (1880–1923).² Православный Восток и католический Запад, византийская и латинская культура крепко соединились в его личной судьбе и наследии, в эпоху, когда межконфессиональный конфликт был достаточно глубок, а культурные элиты зачастую стремились выйти за рамки определенной религиозной традиции.

Владимир Забугин – пожалуй, самая яркая фигура в истории русских гуманистических исследований первой половины XX в., представитель петербургской школы медиевистики. Ученик А. Веселовского,³ Г. Форстена, Н. Кареева он впитал в себя лучшие традиции русской гуманитарной культуры XIX–XX вв. и синтетический пафос эпохи русского религиозно-философского ренессанса. В 1903 г., окончив Санкт-Петербургский университет с золотой медалью, превосходно освоив греческое и латинское классическое наследие и языки, Забугин уехал в Италию, где в Вечном Городе обрел свою вторую родину, виртуозно овладев итальянским языком и написав на нем все свои основные работы: о творчестве рим-

¹ О проекте Соловьева по объединению Церквей см. Solov'ev 1989.

² Подробнее о биографии и творчестве Забугина см. первое монографическое исследование, посвященное данному автору Giovanardi 2021; а также Рицци 2019, 262–65.

³ Подробнее об отношениях учителя и ученика см. Rabboni 2010–2011, 17–33.

ского гуманиста Помпония Лета и его академии (Zabughin 1909, 1910a, 1912), об иконографии *Божественной Комедии* Данте (Zabughin 1921a, 1922), об образе Вергилия в итальянском Ренессансе (Zabughin 1921c, 1923), об истории «христианского Возрождения» в Италии (Zabughin 1924). Монография о Помпонии Лете ввела Забугина в академический мир Рима: он становится преподавателем гуманистической литературы в Римском университете La Sapienza, членом престижной Академии Аркадия, учеником, другом, учителем целого круга ведущих итальянских специалистов в области классической и гуманистической филологии, медиевистики и кодикологии.

История итальянского Ренессанса стала основным предметом исследований Забугина. Он не просто следовал в русле уже устоявшихся к началу XX столетия мнений о его месте в истории европейской культуры, но постепенно создавал собственную концепцию Возрождения, где значительную роль занимает христианство. Концепция «христианского Ренессанса» (см. Zabughin 1924) Забугина внесла важный вклад в историю идей, показав преемственность развития итальянской культуры в эпоху Средневековья и Возрождения, а также перманентную органичную включенность в неё наследия языческого мира. В древних кодексах Забугин находил многочисленные примеры того, как к христианской основе прививался крепкий черенок классической культуры, и как последняя в одни периоды ярче, в другие – слабее служила христианской ментальности с самых первых веков (об этом подробнее см. Giovanardi 2005, 25-41).

О том, какой вклад Забугин внес в становление итальянской гуманистической филологии и как стал частью ее традиции, можно прочесть в недавно опубликованном докладе известного итальянского филолога, историка, скриптора Ватиканской библиотеки Аугусто Кампана, прочитанном в Академии Аркадия по случаю 100-летнего юбилея со дня рождения Забугина (Campana 2021, 195-243).

Если же говорить в целом о рецепции наследия Забугина в Италии, то необходимо отметить, что итальянские ученые проделали довольно масштабную работу по сохранению, изучению и актуализации его трудов. Труды Забугина после его безвременной кончины в 1923 г. при покорении одной из горных вершин итальянских Альп ждала нелёгкая участь. Скоропостижный уход из жизни помешал ему подготовить должное издание работ о Вергилии и христианском Возрождении: отредактировать текст, составить примечания, библиографию, именной указатель, отсутствие которых сильно затруднило обращение специалистов к его работам, снизило их распространение, полезность и возможность использования. Значение Забугина было переоценено в последней четверти XX в. уже упомянутым Аугусто Кампана и историком, специалистом по истории и культуре Восточной Европы А. Тамборра. А в начале XXI в. в Италии возникла новая волна интереса к Забугину, были переизданы его работы.

В России, напротив, творчество Забугина до сих пор остается практически неизученным, во-первых, по причине отсутствия переводов его ра-

бот на русский язык (при жизни Забугина лишь монография о Лете была в сокращенном виде опубликована на русском). У итальянских специалистов возможности для рецепции творчества Забугина намного шире, ведь почти все его работы написаны на итальянском, прекрасное владение которым Забугина отмечал ещё Джованни Джентиле:

Вл. Забугин – русский, который пришел, чтобы возобновить среди нас пример Веселовского, и стал не только подлинным и глубоким знатоком истории нашей литературы – он является одним из наиболее высокообразованных специалистов по нашему гуманизму, – но и экспертом в нашем языке, владея им с таким мастерством и непринужденностью, которые нечасто встретишь среди самих итальянцев (Gentile 1989, 27).

2. «Рим и Восток»

Не будет преувеличением сказать, что всё творчество Забугина проникнуто стремлением преодоления историографических разрывов между эпохами и культурами и дисциплинарных границ. В своей частной жизни Забугин также стремился к некоему синтезу; так он становится католиком восточного обряда, выбрав своим приходом старинный монастырь Гроттаферрата, основанный в далеком 1004 г. греческим монахом святым Нилом Россанским, память которого равно чтится в католической и православной Церквях. Этот монастырь византийского обряда после Великого раскола продолжал жить по студийскому уставу. Для Забугина, безусловно, было важно стать частью духовной жизни именно такого аббатства, которое было основано ещё до схизмы, частью «уголка христианского Востока у врат Рима, греческого острова в широком латинском море» (Zabughin 1910b, 3), как он сам описал эту обитель во вводном слове к первому номеру журнала *Roma e l'Oriente*. Разбору отдельных статей Забугина, опубликованных в данном журнале, будет посвящен настоящий текст.

Единение между христианскими Востоком и Западом было одним из главных чаяний Забугина, которому он подчинил всю свою личную и научную жизнь. Его искренняя убежденность в необходимости объединения восточной и западной Церквей с сохранением всей их литургической, обрядовой и языковой полноты, а также осознание важности глубокого и беспристрастного познания расколотыми сторонами богослужбной жизни друг друга были реализованы в амбициозном проекте – журнале *Roma e l'Oriente* («Рим и Восток») с примечательным подзаголовком *Rivista criptoferratense per l'unione delle chiese* («Криптоферратский журнал объединения Церквей»). Журнал публиковался с 1910 по 1921 г. в Италии при поддержке монастыря Гроттаферрата и имел своей целью конфессиональное сближение католиков и православных. Журнал выходил ежемесячно (иногда раз в два месяца, соединяя сразу два номера), статьи публиковались на итальянском, французском, греческом и латинском языках, а к участию привлекались ведущие историки Церкви, филологи,

специалисты по литургике, византистике и другим дисциплинам. Католическая аудитория регулярно получала подробную информацию о приходской, общекультурной и актуальной социально-политической жизни православного мира: о том, каким образом в православной Церкви идёт подготовка к Великому Посту, как празднуют Пасху Христову, что происходит с религиозной жизнью в России в революционное время, какие важные книжные новинки выходят в России и т.д.

В 1910 г. Забугин становится редактором журнала, а также одним из главных его авторов, регулярно публикующим статьи об особенностях православного культа, русских религиозно-философских течениях и богословских дискуссиях. У Забугина была ещё одна своя особая регулярная рубрика под названием *Греко-славянские религиозные вопросы у писателей Возрождения*. В ней в течение десятилетия с 1910 по 1920 г. он публикует статьи, касающиеся истории взаимоотношений православного Востока и католического Запада в эпоху Возрождения, а также разбирает то, как творчество отдельных ренессансных авторов связано с византийской культурой. Последней теме посвящены, например, следующие статьи: *Данте и Восточная Православная Церковь* (в двух частях) (Zabughin 1915a, 211-223; 1916, 9-17), *Данте и Восток* (Zabughin 21b, 6-19), *Марко Джироламо Вида – Сфорца Одди и Восточная Православная Церковь* (Zabughin 1915b, 121-128), *Гуарини да Верона и Восток* (Zabughin 1918, 102-109) и другие работы. Подобные регулярные обращения редактора журнала к историческому ренессансному материалу имели двойную цель.

Во-первых, они были призваны показать духовное родство христианской Европы, случаи взаимного интереса и понимания, преодолевающие разделение. И, кроме этого, подобные исторические экскурсы, апеллируя к теории и реальному опыту великих предшественников, несомненно, добавляли оптимизма авторам и сочувствующей вопросу взаимопонимания между Востоком и Западом аудитории *Roma e l'Oriente*.

Во-вторых, конечно, ренессансный материал являлся для Забугина самоцелью, именно он представлял сугубый исследовательский интерес для нашего автора: статьи по «восточному вопросу», опубликованные на страницах *Roma e l'Oriente* явились подготовительным материалом для его монографических работ, например, тексты о Данте легли в основу трудов *Данте и иконография загробного мира: византийское, романское, готическое искусство* (Zabughin 1921a) и *Классический средневековый загробный мир Данте в эпоху Возрождения. Часть первая. Италия XIV-XV вв.* (Zabughin 1922).

3. Византия и ренессансные авторы

Одной из центральных линий в ренессансных штудиях Забугина становится тема контактов между европейским гуманизмом и греко-византийской и славянской культурными традициями. Интерес русского мыслителя состоит в том, чтобы понять, как относились итальянские гу-

манисты к Византии, что они черпали для себя из ее культуры, какими знаниями они обладали о православном мире. Для своего первого крупного монографического исследования Забугин избирает фигуру Юлия Помпония Лета, итальянского гуманиста, интересовавшегося историей и культурой Византии и даже побывавшего в пределах Руси в поисках мест, куда был сослан Овидий.

Едва приехав в Италию, Забугин погрузился в изучение наследия Лета⁴, в частности, в работу над реконструкцией византийских источников, которые использовал римский гуманист в своей работе и тех знаний о восточно-православном мире, которыми он обладал. У Лета имеется работа под названием *Цезари*, специально посвященная биографии византийских императоров. Данное произведение представляет собой своего рода учебник по истории римско-византийской империи с III по VII в., но в нем также явно прослеживаются социально-философские и политические взгляды римского гуманиста. В этой работе он чаще анонимно (что было обычной практикой для эпохи) пересказывает позднеантичных и византийских историков. Собственно, Забугин реконструирует источники, которые цитирует и пересказывает Лет: на первом и главном месте, как было установлено русским исследователем, идет Зонара; эпизодически Лэт обращается к Зосиме, Созомену, хроникам Евсевия и Кассиодора. Забугин показывает, что Помпоний Лета был тем мыслителем, который предложил необычную для своего времени точку зрения на Восточную Римскую Империю, поколебав тем самым устоявшиеся историографические взгляды.

Цезари Помпония Лета – утверждает Забугин – писанные в течение двух последних десятилетий XV века знаменуют собой высшую точку гуманистического филэллинизма... Помпоний рассказывает историю Восточной Империи с чисто восточной точки зрения, следуя шаг за шагом за повествованием Зонары; василевсы для него единственные законные наследники цезарей старого Рима, и даже сама папская власть для него основывается отчасти на императорских привилегиях, данных из Константинополя: к Юстиниану или даже Фоке относится он не иначе, нежели к Северам или Флавиям Константинам (Забугин 1914b, 87).

В *Цезарях* Лета русского исследователя поражает его смелая «атака» на традиционное западное восприятие Византии как периферии (притом не весьма дружественной) христианского мира, а также редкое для подобных текстов отсутствие «вероисповедальной точки зрения». Последнее, согласно Забугину, выражается в подчеркнуто слабой заинтересованности Лета в церковных событиях и в периодически выражаемом им желании видеть христианский дом единым. Пассажи, выражающие подобное желание, Забугин тщательно воспроизводит в своей монографии. Например,

⁴ Подробнее о погружении Забугина в изучение наследия Лета и русскоязычном издании монографии о римском гуманисте см. Селунская 2019, 17-29.

когда, следуя за Евсевием, восхваляющим императора Константина, Лет переходит к комментарию актуальных событий христианской политики, «он» – пишет Забугин – «совершенно неожиданно начинает проповедовать единение «христианской республики» против неверных. “Надо сражаться против врагов веры – говорит глава Академии; – теперь, наоборот, христиане терзают сами себя междоусобными распрями, не щадя ничего, ни возраста, ни священного сана, ни храмов, ни могил. Злые демоны заставляют дарить долгий мир истинным врагам нашим и подымать окровавленную руку на братьев. Неистовые Бассариды не нападали друг на друга; преступная Агава, убившая не вакханку, а нечестивого сына, придя в себя, удалилась в пещеру и отдалась покаянию..., мы, христиане, все воины под единым знаменем Креста, наша вера – единое государство, единый Божий град, в котором мы все сограждане”» (Забугин 1914а, 159-160). Таким образом, в своём исследовании Забугин старательно исследует биографию Лета и подчеркивает те факты, которые свидетельствуют о его симпатии к культуре христианского Востока. Помимо указанных выше фрагментов, стоит добавить, что Забугин особо выделяет то обстоятельство, что итальянский гуманист чтит греческую икону Божией матери, находящуюся на Квиринале в Риме.

Работая в Ватиканской библиотеке, Забугин проделал титаническую работу по выявлению и атрибуции текстов, принадлежащих перу Помпония Лета, а в ряде случаев опроверг авторство, приписываемых римскому гуманисту текстов. Своим исследованием Владимир Николаевич не только показал, что Лет не был односторонним фанатиком языческой культуры (что часто вменялось в вину гуманисту как его современниками, так и позднейшими исследователями) и что его христианское мировоззрение и любовь к Античности гармонично сочетались друг с другом; Забугину также удалось убедительно продемонстрировать то, что Помпоний Лет был тем ренессансным автором, в сознании которого миры восточного и западного христианства были взаимопроникаемы.

Другой работой Забугина, призванной продемонстрировать живой интерес со стороны итальянских ренессансных авторов к православной греко-византийской культуре, стала статья *Византийские историки и итальянские гуманисты*, опубликованная в 1914 г. на русском языке в сборнике, который был посвящен 40-летию профессорской деятельности одного из учителей Владимира Николаевича, известного историка Николая Ивановича Кареева (Забугин 1914b). Данная статья, по всей видимости, была написана примерно в то же время, когда Забугин работал над русской версией сочинения *Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование* (которая весьма сильно по объему и содержанию отличается от двухтомной итальянской монографии), отпечатанного в 1914 г. в типографии М.М. Стасюлевича. В статье Забугин показывает, что в целом в XIV-XV вв. отношение к Византии и историографические приемы трактовки сюжетов из её истории менялись: от типично западного средневекового взгляда на Византию как «лишь связующее звено между империей классических Цезарей и Свя-

щенной империей германского народа» (Забугин 1914b, 86), которую мы находим ещё у итальянского гуманиста XIV в. Бенвенуто да Иммола, опиравшегося исключительно на западные источники в своих характеристиках византийских императоров (главным образом на *Liber Pontificalis*), до более комплиментарной точки зрения, симпатизирующей Восточной Империи. Последнее отношение Забугин прослеживает у ряда итальянских гуманистов: у Флавио Бьондо после участия последнего в Ферраро-Флорентийском соборе и общения с представителями византийской делегации; в текстах уже упомянутого римского гуманиста Помпония Лета; у знаменитого венецианского эллиниста Джованни Батиста Игнацио, а также у других поздних авторов, например у кардинала-библиофила Гульермо Сирлето с его шикарным собранием византийских рукописей эпохи Возрождения. Забугин перечисляет имевшиеся в коллекции последнего труды по истории Византии, но также упоминает о том, что в каталоге его рукописей широко представлены святоотеческие тексты, православная богословская литература, сочинения по греческой литургике. На полях рукописей Забугин отмечает обильные комментарии, принадлежащие перу хозяина библиотеки, что свидетельствует о неподдельном интересе к восточно-христианскому миру, существовавшему среди определенного круга итальянских интеллектуалов.

Статья *Византийские историки и итальянские гуманисты* демонстрирует проделанную Забугиним работу по составлению подробного списка византийских исторических рукописей Ватиканской библиотеки (в том виде, в каком он сложился к середине XVI в.) и анализу, включенных в данный список текстов. Забугин был нацелен в первую очередь показать, как в XV-XVI вв. памятники византийской историографии проникали в европейское культурное сознание, каково было общепринятое представление о них и в какой мере западными гуманистами была усвоена концепция того или иного византийского автора. В этой работе он во многом следует исследовательскому руслу своего друга и учителя, итальянского филолога, одного из основателей дисциплины гуманистическая филология Р. Саббадини, опубликовавшего в 1910-е гг. двухтомную монографию *Открытие латинских и греческих кодексов XIV и XV вв.* (Sabbadini 1905).

Основываясь на другой работе Саббадини *Гуарино да Верона и собрание его писем, изданных и неизданных* (1885), Забугин публикует в журнале *Roma e l'Oriente* статью *Гуарино да Верона и Восток*, в которой комментирует византийскую тематику, взятую из писем этого гуманиста-эллиниста, жившего в Ферраре во времена Ферраро-Флорентийского Собора, являвшегося учеником Хризолора, корреспондентом Исидора и Виссариона. Забугин пишет:

Гуарино нечасто заводит речь о греческой Церкви, а когда говорит о ней, то говорит плохо. Он грубо отзывается о приходящей в упадок ромейской державе, хоть и с меньшей жестокостью, чем Петрарка, но без всякого

сочувствия. Его филэллинизм, по существу, ограничивается классическим миром и веком великих Отцов Восточной Церкви» (Zabughin 1918, 107).

Однако Забугин отмечает множество случаев симпатии Гуарино к Востоку, например, его «очарованность Хризолором», интерес к истории монастыря Святого Нила (Гроттаферрата), о котором ему рассказал в письме Франческо Барбаро, побывавший там в компании Леонардо Бруни, его перевод гомилий *О Посте* святителя Василия Великого, который он посвящает Евгению IV и в котором прослеживается весьма общий намек гуманиста на церковное единение.

«Филэллинизм» Гуарино – подытоживает Забугин – содержит в себе большой потенциал. Он ученый, гуманистический, но далеко не свободный от типично венецианской ненависти к современным грекам (Zabughin 1918, 109).

Своим текстом о Гуарино да Верона Забугин подчеркивает одновременно два важных момента: во-первых, то, что история итальянского Ренессанса немислима без греческих христианских текстов (не только классических); и, во-вторых, конечно, дорогу для него лично интуицию, состоящую в том, что несмотря на малочисленность и фрагментарность благосклонных суждений итальянских гуманистов о Византии, все же у некоторых из них был неподдельный интерес к истории Византии, к ее духовному и интеллектуальному наследию.

4. Данте и Восток

Возможно, самые интересные страницы «восточной темы» в итальянском Ренессансе касаются герменевтики дантовского загробного мира. В журнале *Roma e l'Oriente* за 1915 и 1916 гг. Забугин публикует статью в двух частях о византийских сюжетах в творчестве Данте. Наш автор начинает с того, что скрупулезно выделяет все места в *Божественной Комедии*, которые напрямую касаются Византии, её политических деятелей и святых, а также отношений между западной и восточной ветвями христианства. Забугин приходит к справедливому выводу, что Византия занимает весьма скромное место в размышлениях Данте:

Великий поэт несмотря на то, что жил в Равенне среди такого великолепия отголосков византийского прошлого, кажется, прошёл мимо воспоминаний греческой Церкви, едва отдавая себе в этом отчет (Zabughin 1915a, 211).

Забугин приводит строки из *Монархии* Данте, где поэт говорит о Карле Великом, его союзе с римскими папами и коронации в Риме, упоминая Византию: «Говорят еще, что папа Адриан призвал Карла Великого к себе, чтобы он защитил Церковь, притесняемую лангобардами во времена Дезидерия, короля их; Карл получил от него императорское достоинство,

несмотря на то, что Михаил был императором в Константинополе» (Алигьери 1999, 123-24). «Это единственное место из всех сочинений Данте» – пишет Забугин – «где явно упоминается Византия» (Zabughin 1915a, 211). Владимир Николаевич полагает, что на основании немногочисленности и, главное, сути упоминаний о Византии, а также зная об особой приверженности Данте Римской Империи, о его мечте о возрождении былой славы Рима, величия Италии можно заключить, что у поэта имелось немало предубеждений относительно Восточной Римской Империи.

Казалось бы, на этом можно было бы остановиться в исследовании Дантового отношения к греко-византийскому миру, но Забугин делает следующий новаторский шаг в истории дантоведения: он берется анализировать многочисленные образы с фресок, мозаик, средневековых миниатюр и других памятников искусства разных регионов Италии, где бывал Алигьери, чтобы проследить греческие и византийские корни *Божественной Комедии*. Обычно исследователи ищут литературные источники, чтобы прочитать произведение изобразительного искусства, но Забугин поступает наоборот. Он полагает так:

Если Византия занимает более чем скромное место в литературных реминисценциях Данте, то нельзя сказать того же о художественных (Zabughin 1915a, 216).

Исследователь приводит множество примеров из кантик *Ада*, *Чистилища* и *Рая*, где образы Данте вдохновлены восточным византийским искусством. В *Аду* он указывает на образ Гериона – змея с пестрой кожей, двумя короткими лапами и человеческим лицом. Герион – символ обмана, страж восьмого круга ада, на спине которого поэт и его проводник Вергилий совершают полёт. Забугин пишет следующее:

Данте любит растворять элементы одного литературного или художественного образа в двух или более отдельных эпизодах своей *Комедии*... Сатана греко-латинской средневековой традиции делится на Люцифера и на Гериона... Герион в конечном итоге представляет собой символического змея византийского искусства (Zabughin 1915a, 218-219).

Говоря о том, что образ Гериона вдохновлен византийским искусством, Забугин имеет в виду два основных иконографических образа: змея-искусителя прародителей и длинного извивающегося змея с иконы Страшного Суда.

В *Рая* византийским искусством навеян образ мистической розы. Забугин полагает, что мы можем видеть этот образ (и Данте мог его видеть) в иконографии Всех Святых на итальянских изображениях рая византийского письма эпохи Треченто. Здесь Забугин, конечно, приводит в пример мозаичный купол флорентийского баптистерия Сан-Джованни, ту его часть, где изображен рай. Исследователь пишет:

Данте единоклубен не только с флорентийской мозаикой, но и с любой греческой или славянской иконой Рая (Zabughin 1915a, 221).

Может показаться, что Забугин чрезмерно преувеличивает византийские влияния на Данте. Однако стоит еще раз подчеркнуть, что исследователь говорит не о текстуальных, а именно образных, художественных влияниях, которые, по его мнению, итальянский поэт мог вбирать в себя нерефлекторно через храмовую живопись и мозаику, через книжные миниатюры и скульптурные изображения. Например, история со змеем и связанная с ней легенда о святом Георгии распространились в Италии в начале XIV в. благодаря монаху-доминиканцу, духовному писателю Иакову Ворагинскому. Однако не исключено, что и иконографический восточно-христианский образ змея также явился прототипом дантовского Герiona. Ведь образный строй *Комедии* представляет собой сложнейший универсум самых различных текстуальных, иконографических, символических и других влияний. В своем позднейшем исследовании *Данте и иконография загробного мира. Византийское, романское, готическое искусство* Забугин подробно (и в том числе наглядно, так как приложением к тексту являются фотографии описываемых исследователем произведений искусства) анализирует сплав вероятных прототипических образов, повлиявших на изображение Герiona (Zabughin 1921a, 12-15), и здесь наряду с классическими, романскими, готическими влияниями присутствует и островок восточно-христианской традиции. В настоящей статье акцент сделан именно на забугинских интуициях относительно влияния восточно-христианской образности на Данте, хотя, разумеется, сам Забугин отнюдь не полагал, что творчество Данте буквально пропитано отзвуками византийского искусства.

Напротив, Забугин считает, что, живя в Равенне, пронизанной памятью о славном прошлом Византии, Данте так и остался равнодушен к истории и культуре Восточной Римской Империи. Но всё же русский исследователь не может не подчеркнуть тот факт, что возвышенный образ императора Юстиниана, предстающий перед нами в VI песне *Рая* определенно навеян величественным мозаичным образом императора из равеннской базилики Сан-Витале. Православная Церковь прославила Юстиниана и его супругу августу Феодору в лике святых. А вот в святцах Католической Церкви нет имен ни Юстиниана, ни Феодоры. Несмотря на это Данте, не церемонившийся в своей «Божественной Комедии» с современными ему папами Николаем III, Бонифацием VIII и Климентом V, которых он поселяет в аду, душу императора Юстиниана встречает в раю в сиянии присносущного Света. «У певца Рая» – считает Забугин – «были особые причины благоволить Юстиниану. Он показывает его как законодателя, вдохновленного самим Богом, как верующего, принявшего истинную веру под влиянием папы Агапита I, как завоевателя Италии... Имейте в виду» – продолжает исследователь, – «что во всем этом эпизоде [эпизод явления души Юстиниана поэту в Раю – ОК] греческая Церковь практически от-

сутствует: Данте не знает или не говорит, кто был родоначальником монофизитской ереси, и были ли во времена Юстиниана в Византии люди, противостоявшие ей» (Zabughin 1915a, 212).

Забугин исследует и то, как учение Восточных Отцов Церкви – в первую очередь, Ефрема Сирина и Иоана Дамаскина⁵ – проникает в ткань *Божественной Комедии*, как за образом Беатриче стоит византийский культ Софии Премудрости Божией, как мытарства блаженной Феодоры – этого удивительного памятника византийской апокалиптической литературы – переключаются с загробным путешествием поэта. Все эти переключки и взаимовлияния культуры западного и восточного миров в *Комедии* являются, согласно Забугину, «знаком морального и духовного единства христианской Европы» (Zabughin 1916, 17).

Подводя итоги своему исследованию дантовского загробного мира, Забугин делает важный вывод о том, что связь с восточным искусством, которая прослеживается у поэта, вероятнее всего впитанная через окружавшие его иконографические образы, только подтверждает тот факт, что две формально и доктринально разделенные Церкви, фактически оставались ещё несколько веков едины в искусстве. Данте, его *Божественная Комедия* являет собой один из последних значительных случаев подобного единства.

Есть такие люди, для которых Великий раскол, случившийся в 1054 г. продолжает быть личной драмой. Все свои духовные и интеллектуальные силы они направляют на его преодоление, на сближение восточного и западного христианства. Таким человеком был Забугин: стремление к единению между Востоком и Западом, попытка их сближения в актуальной ему действительности и поиск следов утраченной общности в прошлом, в частности в ренессансном периоде истории, пронизывают наследие русско-итальянского автора.

В рассмотренных выше статьях из журнала *Roma e l'Oriente* отчетливо проступает настойчивое желание поиска единства восточно-византийской и западной латинской культуры. Отсюда возникает неизбежная тенденциозность: Забугин выискивает именно случаи симпатии итальянских гуманистов к Византии, а, обращаясь к «восточной теме» в творчестве Данте, он решает руководствоваться не только текстом, но в первую очередь самим образным строем *Божественной Комедии*. Однако Забугин, как в случае с концепцией «христианского Возрождения», так и в случае отношений итальянских гуманистов к Византии, не претендует на указание основной тенденции эпохи, но хочет подчеркнуть, что итальянский Ренессанс был сложным и разнообразным явлением. Он показывает, что наряду с общей настроенностью и даже враждебностью к Византии бы-

⁵ Необходимо оговориться, что, конечно, Данте не мог читать Ефрема Сирина и других отцов Восточной Церкви на греческом языке. Забугин здесь имеет в виду опосредованные влияния.

ли люди, которые искали преодоление исторических и духовных разрывов. Кропотливо собирая и анализируя литературные и художественные свидетельства контактов греко-византийской культуры и латинского мира, Забугин определенно сказал важное слово и в истории взаимоотношений христианского Востока и Запада.

Список использованной литературы

Печатные источники

- Алигьери, Данте. 1999. *Монархия*, пер. с итал. Василия. П. Зубова. Комментарии Иаби Н. Голенищева-Кутузова, Москва.: КАНОН-пресс-Ц–Кучково поле.
- Забугин, Владимир. 1914а. *Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование*. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича.
- Забугин, Владимир. 1914б. “Византийские историки и итальянские гуманисты”. В *Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе: К 40-летию профессор. деятельности. 1873-1913*, 69-91. Санкт-Петербург: Типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон».
- Ильин, Владимир. 2024. “Итальянская культура, итальянский гуманизм и Флоренция”, публикация и примечания Олега Т. Ермишина, Ольги И. Кусенко). *История философии* 29: 100-17.
- Gentile, Giovanni. 1989. “Lo spettro bolscevico”. In *Opere complete*. vol. 4 (*Dopo la vittoria*), 27-30. Firenze: Le Lettere.
- Zabughin, Vladimiro. 1910. “Il nostro periodico”. *Roma e l’Oriente* 1: 3-11.
- Zabughin, Vladimiro. 1915а. “Dante e la Chiesa Greca. Noterella critica”, *Roma e l’Oriente* 10: 211-223.
- Zabughin, Vladimiro. 1916. “Ancora Dante e la Chiesa Greca”, *Roma e l’Oriente* 11: 9-17.
- Zabughin, Vladimiro. 1918. “Guarino da Verona e l’Oriente”, *Roma e l’Oriente* 8: 102-09.
- Zabughin, Vladimiro. 1921а. *Dante e l’iconografia d’oltretomba. Arte bizantina, romanica, gotica. Con centocinquantacinque illustrazioni in tavole fuori testo*. Milano-Roma: Alfieri.
- Zabughin, Vladimiro. 1921б. “Dante e l’Oriente”, *Roma e l’Oriente* 21: 6-19.

Исследования

- Кудрявцев, Олег Ф., под ред. 2013. *Европейское Возрождение и русская культура XV–середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие*. Москва: РОССПЕН.
- Кусенко, Ольга И. 2023. “В поиске единства. Владимир Забугин о Данте, итальянских гуманистах и Византии”, *Вестник ТвГУ. Серия: Философия* 3: 114-29.
- Рицци, Даниела. 2019. “Забугин Владимир Николаевич”. В *Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия*, 262-65. Москва.: РОССПЭН.
- Селунская, Надежда А. 2019. “Чужая страна прошлого, или История с географией. Помпоний Лэт и Владимир Забугин”. *Диалог со временем* 69: 17-29.
- Campana, Augusto. 2021. “Vladimiro Zabughin (1880-1923) e la filologia umanistica in Italia”. In A. Giovanardi, *Pensare il confine. Vladimiro Zabughin tra Oriente e Occidente*, 195-243. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura.

- Giovanardi, Alessandro. 2005. "Zabughin e l'anima cristiana del Rinascimento". *La Nuova Europa* 46: 25-41.
- Giovanardi, Alessandro. 2021. *Pensare il confine. Vladimiro Zabughin tra Oriente e Occidente*. Roma: Edizioni di storia e letteratura.
- Kusenko, Olga. 2022. "L'immagine e il significato del Rinascimento italiano nel pensiero dei filosofi russi del XX secolo" *Intersezioni* 2: 167-79.
- Rabboni Renzo. 2010-2011. "Zabughin e Veselovskij. In margine alla Storia del Rinascimento cristiano in Italia", *Schede Umanistiche*, 34-35: 17-33.
- Sabbadini, Remigio. 1905. *Le scoperte dei codici latini e greci ne' secoli 14 e 15*. Firenze: G.C. Sansoni.
- Siedina, Giovanna, ed. 2020. *Essays on the Spread of Humanistic and Renaissance Literary Civilization in the Slavic World (15th-17th Century)*. Firenze: Firenze University Press.
- Solov'ev, Vladimir. 1989. *La Russia e la Chiesa universale e altri scritti*, Milano: La Casa di Matriona.
- Tonini, Lucia, a cura di. 2012. *Rinascimento e antirinascimento. Firenze nella cultura russa fra Otto e Novecento*. Firenze: Olschki.
- Žukova, Olga. 2019. "Il Rinascimento e il modernismo russo. Firenze nell'esperienza artistica dei fondatori del 'Mir iskusstva'". *Studi Slavistici* 16: 249-259.
- Zabughin, Vladimiro. 1909. "Giulio Pomponio Leto. Saggio critico". Vol. 1. Roma: La Vita Letteraria.
- Zabughin, Vladimiro. 1910a. *Giulio Pomponio Leto. Saggio critico*. Vol. 2a (testo). Grottaferrata (Roma): Tipografia Italo Orientale San Nilo.
- Zabughin, Vladimiro. 1912. *Giulio Pomponio Leto. Saggio critico*. Vol. 2b (note). Grottaferrata (Roma): Tipografia Italo Orientale San Nilo.
- Zabughin, Vladimiro. 1915b. "Marco Gerolamo Vida – Leonardo Sforza degli Oddi e la Chiesa Greca". *Roma e l'Oriente* 10: 121-28.
- Zabughin, Vladimiro. 1921c. *Vergilio nel Rinascimento italiano da Dante a Torquato Tasso. Fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie, iconografia*. Vol. 1 (*Il Trecento ed il Quattrocento*). Bologna: Zanichelli.
- Zabughin, Vladimiro. 1922. *L'oltretomba Classico Medievale dantesco nel Rinascimento. Parte prima. Italia: secoli XIV e XV*. Roma: Pontificia Accademia degli Arcadi.
- Zabughin, Vladimiro. 1923. *Vergilio nel Rinascimento italiano da Dante a Torquato Tasso. Fortuna, studi, imitazioni, traduzioni e parodie, iconografia*. Vol.2 (*Il Cinquecento*). Bologna: Zanichelli.
- Zabughin, Vladimiro. 1924. *Storia del Rinascimento Cristiano in Italia*. Milano: Treves.